

Я Н В А Р Ъ

29

ПОНЕДЕЛЬНИК

1940 год

№ 23 (4505)

ЦЕНА 10 КОП.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

О Р Г А Н

ЦЕНТРАЛЬНОГО

И МОСКОВСКОГО

КОМИТЕТОВ

В Л К С М

ВЕЛИКИЙ ХУДОЖНИК

★
к 80-летию
со дня рождения
А. П. Чехова
★

Имя А. П. Чехова — искренившего, пронзительного художника, чьи произведения были проникнуты самыми благородными возмущениями человечности, гуманности. Ибо, — всегда будет близким, дорогим словом для нас. Новый читатель, сознательного государства ценит в произведениях Чехова огромную жажду человеческого счастья, тоску писателя о человеке, обобщенном от оков дурного и финансового рабства. В Чехове мы видим одного из представителей тех великих людей прошлого, чье слово помогало осветить путь в борьбе за счастье, чья мысль обобщенная была в будущее, для нас уже наступившего дня.

Современная Чехову критика видела в том века эпохи «безобразной и беспрерывной» тусклой 80-х годов, талантливый талантливый «мертвой полостью» жизни России, бесповоротная «окуная история», содеянная целой плеядой «умных людей». Удивительно, со страниц произведений Чехова несет мир словесный безобразный, безобразно живущих людей, угнетенный и угнетенных, одинокого одиноких обескураживающих думом, выходящих изредка живых ситуаций, еще острее стоявших иудейств, томительность, пробирающая этих людей. Это умение Чехова обобщенно и «правдо» показать людям «полюбовно» и тоскливую картину их жизни в тусклой како-то мешанкой обобщенной высоко ценил А. М. Горький.

Еще в ранних произведениях Антона Чехова, сотрудничая «Средство», «Беседки» и других творческих журналов и листов, неоднократно положения подлинно разрешались трагически. Недостатки жизненных положений выносились смехом, но смехом этот смех пробивался слезами обиды за внутреннее достоинство человека, за искренность и прямоту его души. Широкая известность приобрел рассказ-анекдот Чехова «Смерть чиновника». Непроизвольный простужив чиновника, случайно чихнувшего на заспанного проходимца, вызывает острое душевное потрясение, завершающееся самоубийством и необратимую смерть провинциала. За неслучайности этих фактов Чехов дает понять всю меру исключительности, заморозки Чехова в пресловутой бюрократической России, его духовную опустошенность. А в другом рассказе этого периода — «Дочь Альбиона» за внешнею омонимией положений, за невинностью и даже некоторой циничностью сына Чехов раскрывает пределы тупого, самозабывшего национализма, которым гордились маленькие людишки. В ряду ранних анекдотических рассказов Чехова был создан и такой рассказ, как «Хамсаюн», в котором мастерство тонкого наблюдателя жизни описания описания описания и необычайной глубины и той необычайной мысли художника, изобильная безобразия, беспринципность порока и тонкая прелесть России.

Тонкий знаток жизни, умный наблюдатель, Чехов создает обширную по масштабам галерею умственных работ людей, пишет незабываемые картины гримас жизни. Тут и омерзительные «степенки» и «шутки Примишевы» и Цыбуляки («В овраге»), тут и полный ряд интеллигентов, выходящих духовную приращиваемость. Герой «Скудной истории», профессор Николай Степанович, человек с мировым научным авторитетом, на деле оказывается лживым, безобразным человеком, не способным быть учителем молодежи. От других обманчивой захлопотанности мира его отличает единственно то, что собственная некомпетентность их осязана. Дмитрий Петрович Салин, герой «Страха», признается своему другу в том, что жизнь страшна потому, что обобщенности. Но страхи Дмитрия Петровича парализуют всеобщие возможности выйти за пределы обобщенности, утратить правды и жизни. Страх Салина, не типичное порождение все того же интеллигентного царства. Обобщенности томит дочь Павлова, живет трех сестер (одноименная пьеса). Обобщенности торжествует всю победу над Громовым и Рагиным — главные людьми захлопотанного городка в пьесе «Палата № 6».

Важное направление Громова выявлено утратившими условиями населения, интеллигент, гнетом казалось, что охватывало всего мира склонилось за его стеной и гоним за ним». Но если большой Громова вступительно протестует против гнета общественных условий, то доктор Павлов духовно интеллигентен этим условиям. Сложный и философский раздумиям, он переосмысливает целую систему условностей рассуждений в духе пассивного подчинения человека обстоятельствам. Заявлено о своем презрении к внешним условиям жизни. Рагин пытается создать иллюзорный мир душевного равновесия. Талантливое порождение мира агонии — философ Рагина служила оправданием этому миру. Чехов приводит своего героя к

неумолимому и трагическому концу в палате умышленных.

«Палата № 6» — это страшный, обобщенный символ прошлой действительности. В. И. Ленин так определял свои впечатления от рассказа:

«Когда я прочитал до конца этот рассказ, мне стало жутко. Я не мог оставаться в своей комнате и вышел. У меня было ощущение, что я залепет в палате».

Как писал Горький, в произведениях Чехова «проходит перед глазами бесчисленная теребница рабов и рабынь своей любви,

своей глупости и лени, своей жадности к благам земли; идут рабы тупого страха перед жизнью, идут в смутной тревоге и наполняют жизнь бессмысленными речами о будущем, чувствуя, что в настоящем — нет им места».

Тема утраты человеком своего достоинства, искоренения и опустошения души была раскрыта Чеховым с необычайной силой. Персонажи, созданные Чеховым, взаимодействовали Лениным и Сталиным, в их борьбе со всеми мешанинами от политики, предателями дела революции. Так Ленин образом «Душечки» задохливую позорную тактику меньшевиков, их моральную опустошенность. Ленин писал:

«Приветственный «Освобождением», тов. Старовер продолжает в новой «Искре» какяться в грехах, содеянных им (по разумно) участвуя в старой «Искре». Тов. Старовер очень полог на героиню Чеховского рассказа «Душечка». Душечка жила сначала с антрепренером и говорила: мы с Валечкой ставим серьезные пьесы. Потом жила она с торгашом лесом и говорила: мы с Васечкой возмужаем высоким тарифом на лес. Наконец, жила с ветеринаром и говорила: мы с Васечкой лечим лошадей. Так и тов. Старовер. «Мы с Лениным» ругали Мартина. «Мы с Мартиновым» ругали Ленина. Милая социал-демократическая душечка! в чьих-то объятиях очутишься ты завтра?»

Говори о правых реставраторах капитализма, товарищ Сталин на XVI съезде большевистской партии указывал:

«Они болеют той же болезнью, которой бедел известный чеховский герой Белков, учитель греческого языка, человек в футляре... Он боится как чумы всего нового, всего того, что выходит из обычного круга серой обязательской жизни».

Талант Чехова, талант, по определению А. М. Горького, тонкий и трагически нежный, не исчерпывается только простым бытованием описания жизни, тоски и подальности человека. Смысл его творческой деятельности гораздо шире. Визуально рабство во всех его формах, Чехов жалдал свободному, прекрасного будущего, расцвета творческого труда, воли и разума человека. Картины прошлости жизни, зарисованные Чеховым, были проникнуты горячим сознанием к безобразиям и изурованным людям. Сила критического пафоса художника насыщает советских людей стремлением окончательно искоренить все следы прошлого рабства.

Письмо к Суворину в 1889 году содержит интересное признание Чехова. Его увлекало изображение сложного психологи-

ческого процесса, как человек, воспитанный на эмпатиями, недолгий полупольных рук, поклонения чужим мыслям, много раз семенял, как этот человек, благодушный за каждый кусок хлеба, «смыкает» из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...»

Это творческое задание определяло и взгляды Чехова на искусство. Для Чехова великие писатели «вишают один общий и весьма важный признак: они куда-то идут и Вас зовут туда же, и Вы чувствуете, что у них есть какая-то цель... Лучшее из их рассказов и пьес так назвать, какая она есть, но от того, что каждая страница пропитана, как огом, осязаемым идеалом. В их жизни, какая сеть, чувствуется еще ту жизнь, какая должна быть, и это плещет Вас».

Эта характеристика вполне приложима к самому Чехову. Он обладал даром великого художника — умение воссоздавать жизнь такой, какова она есть, во всей ее глубине, дать понять читателю перспективы жизни, ее потребности.

К. С. Станиславский писал:

«Антон Павлович был самым большим оптимистом, какое мне только приходилось видеть».

Да и сам Чехов в письме к писательнице Анной (1897 г.) определял себя: «Я — человек жизнеутраченный».

«Никто не начинал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни...» — подчеркивал А. М. Горький. «Его врагом была пошлость; он всю жизнь боролся с ней, и ее он осуждал и ее изображал бесстрастным острым пером, умев найти пьесным пошлости даже там, где с первого взгляда, казалось, все устроено очень хорошо, уютно, даже — с баском». Но для Горького это чеховское умение обнажить пошлость, показать ее в настоящем свете было искусством. «...которое доступно только человеку высших требований к жизни, которое создается лишь горячим желанием видеть людей простыми, искренними, гармоничными».

Еще при жизни Чехова Горький почувствовал, что «каждый новый рассказ Чехова все усиливает для нас ноту — ноту бодрости и любви к жизни».

Эта любовь к жизни находила прямое выражение в том глубоком лиризме, который составляет неотъемлемую черту чеховских произведений. Лиризм внешнего действия, драма Чехова насыщена возмущением лириком. Лирический пафос составляет основу повести Чехова «Степь». Необычайно тонко зарисовал здесь Чехов картины русской природы, просторы родной земли.

Творческая деятельность Чехова, начатая в 80-х годах XIX столетия, обращается в 1904 году — в канун первой русской революции. Чехов явился завершителем литературы критического реализма, традиций которой были доведены им до предельной формы совершенства. В письме к Чехову Горький писал:

«Читал «Даму» вашу («Дамы с собакой» — Е. И.). Знаете, что вы делаете? Убываете реалист. И убываете вы его скоро на смерть, надоели. Эта форма отжила свое время — факт. Дальше вас никто не может идти по сей езде, никто не может писать так просто о таких простых вещах, как вы это умеете». И Горький оценивал это завершение традиций критического реализма в творчестве Чехова как глубоко положительное явление, ибо: «насталое время нужды в героическом, все хотило возмущающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было похоже на жизнь, а было бы выше ее, лучше, красивее».

Это новое качество — героизм жизни — принес с собой в литературу Горький — буревестник революции. Но задача, решенная Горьким, была подготовлена Чеховым. Предощущение революции, хотя и заглушено, лишь в негативных картинах, но все же звучит в произведениях Чехова. Не случайно так же, что Чехов внимательно, дружески следил за творческим развитием Горького, был первым инициатором горьковского драматургии и искренне восхищался характером Нила из «Мешан», в котором видел нового человека.

Антон Павлович Чехов бесстрашно боролся и близок нам. Советская молодежь никогда не забудет обязательный облик могучего и нежного художника, облик великого чеховского учат глубоко понимать и любить жизнь.

Е. НОВАЛЧИН.